

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Первая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

Съ дозволенія Правительства.

1815.

І.

Л И Ц И Н І Ю.

Лициній, зришь ли пы: на быстрой колесницѣ,
Въвчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Сѣбяво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную лешить по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину коцляшь;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гоняшь!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелесницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремить усердный взглядъ;
Ждушъ, ловяшь съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будшо дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ниць предъ идоломъ безмолвно пали пь прахъ:

Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квирипы гордые подъ иго преклонились.
Кому жь, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Вешпулю! Опчизпы стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенаторомъ слабымъ править,
На Римъ простеръ яремъ, опечество безславипъ;
Вешпулій Римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ поршикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ испины, Даметь!
Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставляю Римъ: я рабство ненавижу.
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смирренно поклонясь фортуны и мечтамъ,

Съдаго циника примѣромъ научишься?
 Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проешиться,
 Гдѣ все продажное: законы, права,
 И консуль и трибунъ, и честь и краса?
 Пускай Глицеріи, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопытность другихъ въ наемъ ловишь съшь!
 Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣшь;
 Тщеславной юности оставимъ блескъ всеелій:
 Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуюшъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Ошъ знапныхъ къ богачамъ ползуть изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипишь въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Зависпливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренеемъ отеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ роць, на берегу морскомъ,
 Найши неспрудно намъ укромный, свѣпый дочь,

Гдѣ, больше не спашася пароднаго волпенья,
Подъ спаросшь ошдохнемъ въ глуши уединенья.
И пачь, разположася въ уюшномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Восномнивъ шарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ еаширѣ праведной порокъ изобразу
И нравы сихъ вѣковъ пошомшву обнажу.
О Римъ, о гордый край развраща, злодѣянья!
Придешъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падешъ, падешъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой браии,
Съ мечами на шебл подымуть мощны длани,
И горы и моря оспавяшъ за собой
И хлыпуть на шебл кипящею рѣкой.
Исчезнешъ Римъ; его покросетъ мракъ глубокой;
И пупникъ, успремивъ на груди камней око,
Воекликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

II.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотою;
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилою
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылой,
Будто лѣни голосъ милой,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіешь въ мирѣ
Сладострасшія мудрецъ.

Посмотрите : на порфиръ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря : я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайше жъ насладисься ;
Жизнь , увы , невѣчный даръ !
Здѣсь , поднявъ на лиру длани
И нахмура важно бровь ,
Хочетъ лѣтъ онъ бога брани ,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплашить :
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ ,
Жажду просишь утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣскольکو минутъ.
Вошь и музы и хариты
Въ гробъ любимца увели :

Плющемъ , розами увипы
Игры вслѣдъ за нимъ пошли . . .
Онъ исчезъ , какъ наслажденье ,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный , вѣкъ твой привидѣнье :
Счастье рѣзвое лови ;
Наслаждайся , наслаждайся ;
Чаще кубокъ наливай ;
Страшью пылкой упомляйся ,
И за чашей отдыхай !

1816.

I.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ шы, гдѣ шы,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во шмѣ глубокой
Я пробуждѣнъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.

Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улещѣли
Толпою прочь
Любви мечпанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловишь сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Вземли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

II.

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Злашыя дни, злашыя ночи,
И помышкь двѣ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойше, о друзья!
Упрашыте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбуся я.

III.

ПѢВЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пущынной шмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный шоской,
Встрѣчали вы?

Вдохнули ль вы, внимал тихой гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вдохнули ль вы?

IV.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жь охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведешь Эроса:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.

Взялся за новую затѣю :

Повязку съ милыхъ снявъ очей,

Идетъ проказникъ къ Гименею...

А что такое Гименей?

Опъ сынъ Вулкана молчаливый,

Холодный, дряхлый и лѣнивый,

Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,

А впрочемъ добрый человекъ,

Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.

Опъ ревности печальный богъ

Спокойно подремать не могъ;

Все шрусилъ маленькаго брата,

За нимъ подсматривалъ шайкомъ,

И караулил супосшаша

Съ своимъ докучнымъ фопарѣмъ.

Вошь мальчикъ мой къ нему подходитъ

И рѣчь коварную заводитъ :

« Развеселися, Гименей!

« Ну, помирися, будь умцѣй!

« Забудь, шоварищъ мой любезный,

« Раздоръ смѣшный и безполезный!
 « Да шолько павсегда, смотри!
 « Возми жь повязку въ память, милый
 « А мнѣ фонарь свой подари! »

И что жь? Повѣрилъ богъ унылый.

Амуръ ошъ радости прыгнулъ,

И па глаза со всей онъ силы

Обнову брату запрянулъ.

Гимена скучные дозоры

Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;

Его завистливые взоры

Теперь не страшны красошамъ;

Спокоенъ онъ, но братъ коварный,

Шупя надъ честью и надъ нимъ,

Войну ведетъ неблагодарный

Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.

Лишь сонъ на смертныхъ налепаетъ,

Амуръ въ молчаніи nocturno

Фонарь любовнику вручаетъ,

И самъ счастливица провожаетъ

Къ уснувшему супругу въ домъ ;
Самъ опъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняешь шайну дверь...
Пойми меня , мой другъ Елена ,
И мудрой повѣспи повѣрь !

V.

Ш * * * В У.

Шалунъ, увѣнчанный Эрапой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цитсерой,
 Гдѣ пѣжился Тибулъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пишомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любишь открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовашь, плѣняшья красотою:
 Вотъ жребій мой; ему я слѣдовашь гошовъ,

Но, милый, сжаляся надо мною,

Не шребуй ошь мсиа сшиховъ!

Несвѣчно иѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной испины я поздній вижу свѣтъ.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
Мечтѣ шепнувшей: шы поэтъ,
И, презря мудрыя угрозы и совѣщя,
Съ небрежной лѣтностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной всселилъ;
Угодникъ Бахуса, я презвѣй межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечшашельныхъ Дорндъ и славилъ и бранилъ,
Иль дружбѣ плель вѣнокъ: и дружество звало
И сонныя стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣлъ Аполлонъ?
Душѣ паскучили Парнаскія забавы;
Не долго снились мнѣ мечшанья музъ и славы:
И, строгимъ опытомъ невольно пробуждѣтъ,
Уснувъ межъ розами, на шерняхъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смершна на рифмахъ лепешать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писашь.

1817.

I.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неясные клики?

Кого, куда зовутъ и бубны и шимпань?

Что значатъ радостные лики

И пѣсни поселянъ?

Въ ихъ кругъ слѣпая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближася... Вошь онъ, вошь сильный богъ!

Вошь Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вошь онъ, вошь Индіи герой!

О радость! Полныя шобой

Дрожатъ, гошвы гремятъ струны

Нелицемѣрною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаша,
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ пирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отраднѣй!
Державный пирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣешь виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течешь. Его молодые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ эрошы, игры,
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ стѣспится козлоногѣй
И фавновъ и сатировъ рой,
Плющемъ опущаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Вослѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкой своей;
Тотъ оступившись упадаетъ

И бархатный ковер полей
Вином багровым обливаешь
При диком хохоту друзей.
Тамъ даль вижу дивный ходъ:
Звучать веселые шимпаны;
Млады нимфы и сальваны,
Сославя шумный хороводъ,
Несушь недвижнаго Силена...
Вино спруится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплющя кругомъ;
Несушь за спящимъ шарикомъ
И ширсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ шяжко-золошой,
Вѣлчаный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воешь берегъ ошдаленный.
Власы раскннувъ по плечамъ,
Вѣичанны гроздемъ, обнажены,
Бѣгушь Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ персами,
Гремяшь и вшоряшь ихъ ужаснымъ голосамъ.

Промчались, лепяшь, свивающся руками,

Волшебной пляской шопчущъ лугъ:

И младость пылкая толпами

Сшекается вокругъ.

Поюшь неисшовыя дѣвы;

Ихъ сладострасшныя напѣвы

Въ сердца вливающъ жаръ любви;

Ихъ перси дышатъ вождельньемъ;

Ихъ очи, полныя безумшвомъ и шомасньемъ,

Сказали: счасшіе лови!

Ихъ вдохновенныя движенья

Сперва изображаютъ намъ

Стыдливостъ милаго смяшенья,

Желанье робкое, а шамъ

Восторгъ и дерзостъ наслажденья.

Но вошь разсыпалась по холмамъ и полямъ;

Махая ширсами несущся;

Ужь издали ихъ вопли раздаются,
 И гулъ имъ вѣпорись по лѣсамъ:
 Эвань, эвое! Дайше чаши!
 Несише свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суешы!
 Теки, вино, струею пѣвной
 Въ честь Вакха, музъ и красошы!
 Эвань, эвое! Дайше чаши!
 Несише свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

II.

РАЗЛУКА.

Въ послѣдній разъ, въ стѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаешь нашъ печаль.

Лицейской жизни мнѣй брашь,
Дѣлю съ тобой послѣднѣя мгновенья.

Прошли лѣта соединенья;

Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ,

Не разлучайся, другъ,

Съ свободою и Фсбомъ!

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,

Любовь надеждъ, восшорговъ, упоенья:

И дни твои полстомъ сновидѣнья

Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!

Просни! Гдѣ бѣ ни была я: въ огнѣ ли смертной бичвы,

При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,

Святому братсшву вѣренъ я.

И пусть (услышишь ли судьба мои молитвы?),

Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ швои друзья!

III.

П * * * Н У.

Что восхищительный, живый
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидный кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣтъ и грацій,
Какъ жила безсмертный прусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;

Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубящся въ болхъ.
Счастливы, кшо миль и страшень міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала;
Кшо славиль Марса и Темиру
И бранцю повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

ДЕЛЪ В И Г У.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
 Укрытый ошъ заботъ и бѣдъ,
 Живи подъ ихъ падежной сѣнью;
 Въ усидненіи шы счастливъ: шы поэтъ.
 Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и сплтой;
 Его баюкаюшъ камни молодыл
 И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
 О милый другъ, и мыѣ богини пѣснопѣнья
 Еще въ младенческую грудь
 Вліяли искру вдохновенья
 И тайный указали путь:
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувствовашъ умѣлъ,
И лира спала мой удѣлъ.

Но гдѣ же вы, минушы упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,

Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.

Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невпидимый книжалъ!

Нѣтъ, нѣтъ, ни счастьемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ

Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствии счастливомъ,
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;

Но, можешь быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимал звуку струнъ своихъ.

1818.

I.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;

Тебѣ прілжно слезы лишь,

Напраснымъ пламенемъ помншь воображенье

И въ сердцѣ шихое уныліе таишь:

Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечшатель.

О если бы тебѣ, унылыхъ чувствъ искашель,

Постигло страшное безуміе любви;

Когда бь весь ядь ея кишѣль въ швоей крови;

Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,

На ложь медленно перзаемый шоской,

Ты звалъ обманчивый покой,

Вошце смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдал обнімалъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья
Повѣрь, тогда бѣ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья.
Нѣшь, нѣшь: въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, испуганной,
Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:
Ошдайше, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмише ошъ меня сей образъ роковой;
Довольно я любилъ; ошдайте мнѣ покой...
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Ошдались вѣчно бы съ тобой.

II.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смущное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной
Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я себя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой рашной:
И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умъ моемъ стѣснились мрачныя грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую швое дыханье, слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...

Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огонь по сердцу пробъжалъ!

Я закипѣлъ, затрепеталъ:

И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня поминь ты утѣшь:

Приди, мнѣ жертвить любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Подъ грознымъ кивсромъ твоимъ небесны очи,
И плащъ, и поясъ босвой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова низпослалъ боги,
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви шанувенной и шалости молодой.

III.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалить
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдъ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній шумная небрежность
И пренешъ усшь и жарь ланишь?
Напраены хитрья шаранья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой рокопой ошвѣтъ.

Твоею прелестью надменной
Кто не владыкъ во шмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обищели презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣшь, нѣшь, другому свой завялый
Неси, прелестница, вълокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ обьяшяхъ успалый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь пищомца музы
Ты на предашельскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви посшыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И злаломъ купленный восторгъ!

IV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечшательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняюшая видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлешь на челѣ:
Ты правъ, шворишь ты *для немногихъ*,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирашелей убогихъ
Чужихъ суждений и вѣстей,
Но для друзей талаиша строгихъ,

Священной истины друзей.

Не всякаго полюбить щастье,

Не всѣ родились для вѣнцовъ.

Блаженъ, кто знаетъ сладострастье

Высокихъ мыслей и снѣговъ,

Кто наслажденіе прекраснымъ

Въ прекрасный получилъ удѣлъ

И швой воспоргъ уразумѣлъ

Воспоргомъ пламеннымъ и яснымъ!

1819.

I.

Увы, зачѣмъ она блискаетъ
Минушной, нѣжной красотой?
Она примѣшно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Щастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой острошою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Спиральца душу услаждать.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ,

Сокрывъ упыніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И паглядѣться на нсе.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

II.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ зайчїяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, моливъ и шрудахъ.
Уже лопашкою смиренной
Себѣ могилу шарецъ рыль,
И лишь о смерти вождельной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣшомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй;
Туманъ падъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихопько по небу кашился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;
Не можешь самъ себя понять...
И видишь: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ оцѣпъ...
И вдругъ... легка, какъ пѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молча сѣла у бреговъ.

Глядитъ на сшараго монаха
И чешешъ влажные власы.
Свяшой монахъ дрожитъ со сшраха
И смощришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваетъ быспро головой...
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ сшарикъ угрюмой
И не молнся цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись тмою;
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелесшна и блѣдна.

Глядишь, киваешь головою,
Цѣлуешь издали шутя,
Играешь, плещешься волною,
Хохочешь, плачешь, какъ дитя,
Зовешь монаха, нѣжно стонешь...
« Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ!...
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь
И все въ глубокой шипниѣ.

На третій день опшельпикъ страстной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной,
А шѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала шму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

СТАНСЫ Т***МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глдишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты млыя забапы свѣта
На грусь и скуку промѣняль,
И на лампаду Эпикшета
Златый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придѣшь,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины забошь
И безполезныхъ размышленій.

Зевесь, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даешь игрушки:
Надъ сѣдинами не гремашь
Безумства рѣзвья гремушки.

Ахъ, младосць не приходишь вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юности твоей!

IV.

УЕДИНЕНІЕ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріюти спокойствія, прудовъ и вдоховенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я твой: я промѣнляю порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уславленный душистыми сквердами,
Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумяшь.

Вездѣ передо мной подвижныя картины:
 Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
 Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
 За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
 Вдали разсыпанныя хаты,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымныя и мѣльницы крылаты;
 Вездѣ слѣды довольства и труда.
 Я здѣсь, отъ суешныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ богошворить,
 Роптанью не внимать шолпы непросвѣщенной,
 Учасьемъ отвѣчать за сѣбичивою мольбѣ
 И не завидовать судьбѣ
 Злодѣя, иль глупца въ величїи неправомъ.
 Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
 Въ уединенїи величавомъ
 Слышите вашъ оправдннй гласъ;
 Опъ гонимъ лѣни соимъ угрюмый,
 Къ прудамъ раждаемъ жаръ во мнѣ,

И ваши шворческія думы

Въ душевной зрѣюшь глубинѣ.

• • • • •
• • • • •
• • • • •
• • • • •

У.

Д О М О В О М У.

Помѣспя мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семью моей обитель!
Да не предашь полямъ опасный кладъ дождей
И вѣтра позняго осеніе набѣги;
Да въ пору благотворпы снѣги
Покроюшь влажный шукъ полей!
Останься тайный спражъ въ наследственной сѣни,
Постыгни робостью полуночнаго вора
И ошь недружескаго взора
Счастливыи домикъ охрани!

Ходи вокруг него забошляпымъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ и берегъ сошныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калишкой вешкою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скашъ холмовъ,
Луга, взмятые моею бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

VI.

В***МУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣнляетъ пестрошой,
Шариной роскошью, пирами,
Невѣсшами, колоколами,
Забавной, легкой суслой,
Невинной прозой и стихами.

Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тяжкой значности всеелье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего мнущный наблюдашеть,
Ты посмѣешься подь рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожашель
Забаль и льни золотой,
Держася моего совѣща
И волю лсей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ приютѣ опдаленночь
Я вижу мысленно тебл:
Кипитъ въ бокалѣ огненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму льнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья

Шумяшь и пьешь; задорный кубок
Обходишь ихъ безумный крутъ,
И мчишься въ радостяхъ досугъ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Летають, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стоишь нѣги, вопли, дикій вой;
Ихъ изступленные движенья,
Огонь неистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душу твою
Раждаетъ трепещь упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачетъ подь окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали

Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдуть
Ея пошумленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживишся?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ спремится.
Гдѣ бь ни былъ ты, возми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладосшрасшья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукъ счастья.

VII.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ шакимъ бездѣльемъ
Занимашся недосуть.

Пусшь осшылой жизни чашу
Тягнеть медленно другой;
Мы жь упрашимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,

Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И шолцою наши пѣни
Къ тихой Лещѣ убѣгущъ;
Смершнѣй мигъ нашъ будешъ свѣтель:
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепель
Въ урны праздниа пировъ.

VIII.

N. N.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худый, обришый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тягошѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладосшный покой,
Какъ прежде, посѣпили снова
Мой уголь тѣсный и просшой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣшья съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и пѣги вѣрный сынъ,

Венеры вътрєнный поклонникъ
И наслажденій властелигъ!
Отъ суеты столицы праздноу,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, споль разнообразноу,
Мєся зовушь холмы, луга,
Тѣнисты клєны огорода,
Пущынноу рѣчки берега
И деревенская свобода.

• • • • •
• • • • •

IX.

НЕДОКОНЧАННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Поспигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесныя черты?

Ты, гений!... Но любви спаданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье
И гаснетъ пламенной душой.

X.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ - варваръ кистью сонной
Картину генія чернишь
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чершишь.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезають заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

1820.

I.

Погасло дневное свѣщило ;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вътрнло,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Я вижу берегъ ошдаленный,
Земли полуденной волшебные края :
Съ волненьемъ и тоской шуда стремлюся я,
Воспоминаемъ упоенный...
И чувствую : въ очахъ родился слезы вновь ;
Душа кипитъ и замираетъ ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь ,

И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ поминсельный обманъ...

Шуми, шуми, послушное въприло,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, носи меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоши обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Спраны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ музы пѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ опцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное спраданью предала.
Искашель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, опечески края;
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минушной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,

Которымъ безъ любви я жертвовала собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младья,
Подруги тайныя моей весны златья,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца рапъ,
Глубокныхъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

II.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу перзаесть печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я спрашно любилъ.

Прелеспная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ поступался презрѣнный Еврей.

Съ шобою пирують (шепнуль онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка швоя.

Я даль ему злата и прокляль его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ;
И кропкая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогъ;
Глаза попемнѣли, я весь изнемогъ.....

Въ покой ошдаленный вхожу я одинъ. .
Невѣрную дѣву лобзалъ Армяницъ.

Не взвидѣль я свѣта: булатъ загремѣль...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣль.

Безглавое шло я долго шопшаль,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взираль.

Я помню моленья, пекущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой свявь черную шаль,
Ошеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ насшала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросаь шѣла.

Съ тѣхъ поръ не цалую предсестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу шерзаешъ печаль.

III.

Ф О Н Т А Н У

БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фоншанъ любви, фонтанъ живой!

Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.

Люблю немолчный говоръ пивой

И поэтическія слёзы.

Твоя серебряная пыль

Меня крошитъ росею хладной:

Ахъ, лейся, лейся, ключь опрадной!

Журчи, журчи свою мнѣ былъ...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!

И я швой мраморъ вопрошаль:

Хвалу странъ прочель я дальной;

Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣшило блѣдное гарема!

И здѣсь уже ль забвенно ты?

Или Марія и Зарема

Однѣ счастливыя мечты?

Иль шолько сонъ воображенья

Въ пуспынной мглѣ нарисоваль

Свой мигушныя видѣнья,

Души неясный идеаль?

IV.

В И Н О Г Р А Д Ъ.

Не стану я жалѣшь о розахъ,
Увядшихъ съ легкою песной;
Мнѣ миль и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины златной,
Опрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персы дѣвы молодой.

V.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не спыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живешь
И нѣжно пѣсни ей поешь
Во мракѣ ночи сладосшрасшной.

VI.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣришь.
Ныль, милая моя не можешь лицемѣришь;
Все непритворно въ пей: желаній томный жарь,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный дарь,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

VII.

Рѣдетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины
И дремящій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню твой восходъ, знакомое свѣшило,
Надъ мирною сѣраю, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ спройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный мирсъ и темный кипарисъ
И сладостно шумяшь полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

VIII.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарь я видѣль Нериду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣль дохнушь:
Надъясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

IX.

Д О Р И Д А .

Въ Доридѣ нравяшся и локоны златые
И блѣдное лице и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пирь ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу шилъ душой;
Восторги быстрые восшоргами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгарались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ шайншвенной печалю,
И имя чуждое уша мои шепшали.

X.

Ч * * * Ву.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымилась жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эмениды:
Здѣсь провозвѣсница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.

.

Ч * * *, помнишь ли былое?

Давно ль съ восторгомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое

Предать развалинамъ инымъ?

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лѣнь и тишина,

И, въ умлени въдохновенномъ,

На камнѣ, дружбой освященномъ,

Пишу я наши имена.

XI.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію свяшой,
Чудесный швой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламсиной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча надъ швоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ и не былъ чуждъ веселью!

Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.

Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца

Смиреной жизнью предъ небомъ искусила:

Съ могилы грозной къ небесамъ

Она, какъ сладкій эфиръ,

Какъ чистая любви молитва восходила.

1821.

I.

Мой другъ, забышы мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И радости моей мятежное печенье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю неполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, лепучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцалуевъ сладострасшья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣшла, какъ ясный дель, младническая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незаинтересную повѣсть?

Она твоей тихой умъ невольно возмутишь;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность уличишь,
И ты моей любви, бышь можешь, ужаснешься.
Бышь можешь, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденьй.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеньй:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.

II.

В О Й Н А.

Война!... Подьяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ меспи;
Засвищешь вокругъ меня губишельный свинець.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги сна, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудяшь мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: просная сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое зыванье,

Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра

И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы спраспѣ,

Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?

Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,

Кончипу ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,

И все удержать со мной: надежды юныхъ дней,

Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,

Воспоминаніе и брата и друзей,

И мыслей шворческихъ напрасное волненье,

И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,

Ни рашные шруды, ни ропоть гордой славы,

Ничто не заглушишь моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:

Покой бѣжишь меня; нѣшь власпи надъ собой,

И плагостная лѣнь душою овладѣла...

Что жь медлишь ужась боевой?

Что жь битва первая еще не закицѣла?...

III.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни спрданья,
Плоды сердечной пустоши.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтущій мой вѣнцъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой концъ?

Такъ позднимъ кладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещеть запоздалый листь.

IV.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальныя стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обымешь смертный сонъ;
Надъ урною моею промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

V.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокой сонъ
И хладъ могилы безмяшежной. . .

Любилъ онъ игры напихъ дѣвъ,
Когда весной въ пѣни деревъ
Онъ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли шарцы любовались
Его веселостью живой,

Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
« И мы любили хороводы,
Блнспали также въ насъ умы;
Но погоди, приснѣють годы,
И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гостъ игривый,
Тебѣ поспынеть бѣлый свѣтъ;
Теперь играй... » Но спарцы живы,
А онъ увяль во цвѣтъ лѣпъ.
И безъ него друзья пируюшь,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуошь
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, бышь можетъ, слезы льепъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зовешъ...
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей
Подъ наклоненными крестами
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежишь.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходишь мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гробницы
Ручей журчишь и шепчешь лѣсъ;
Напрасно упрямъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ :
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

VI.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ
И лиры вѣжнѣй гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенѣ
Пустыню мрачную, поэза заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой мещлошой согрѣтые луга.
Какъ часно, увлечень унылыхъ струнь игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И лкорь, верженный близъ дикихъ береговъ,

Гдѣ ждешь пѣвца любви жестокая награда.
 Тамъ нивы бсзъ пѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны,
 За Испромъ упаясь, добычи ожидающъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожающъ.
 Преграды нѣшь для нихъ: въ волнахъ они плывущъ
 И по льду звучному безшрепешно идущъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рапной,
 Привыкнувъ розами вѣнчашъ свои власы
 И въ нѣгѣ провождашъ безпечные часы,
 Ты будешь принужденъ взложишь и шлемъ шл тяжелой,
 И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не усладяшъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помняшъ наизустъ:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,

Ни пѣсни робкія Октавія не пронушь;
Дни шаросши швоей въ забвеніи пошонушь.
Злапой Италіи роскошный гражданинь,
Въ ошчизнѣ варваровъ безвѣснень и одинь,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ шяжкой горесши далекой дружбѣ пишешь:
« О , возвратише мнѣ священный градъ опцовъ
И шѣни мирныя наслѣдственныя садовъ!
О други, Августу мольбы мои несисе!
Карающую длань слезами опклонише!
Но если гнѣвный богъ досель несумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не выдашь шебя, великій Римъ;
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приблжъше хопь мой гробъ къ Италіи прекрасной! »
Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
Твое ушыніе и слезы укоришь?
Кшо въ грубой гордосши прочтеть безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщешный спонъ пошомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣшомъ и собой и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣшилъ
 Спрану, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобой мечшы воображенья,
 Я повторилъ швой, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя каршины повѣрлялъ;
 Но взоръ обманушымъ мечпаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе швое плѣняло яшайнѣ очн,
 Привыкшія къ снѣгамъ утрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣпится небесная лазурь;
 Здѣсь крашко царшвуешь жестшоекоспъ зимнихъ бурь.
 На Скиѣскихъ берегахъ переселенець новый,
 Сынъ юга, виноградъ блисшашаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
 Слойми разсшилалъ пушишые снѣга;
 Зима дышала шамъ: а съ вешней шешлопою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною;
 Младою зеленью песпрѣлъ увядшій лугъ;

Свободныя поля взрывалъ ужь ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣперокъ, подь вечерь холодѣя;
Едва прозрачный ледь, надь озеромъ пускиѣя,
Крисшалломъ покрывалъ недвижныя спрун.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые швои,
Сей день, замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрлялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду повому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твои, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Упѣшься: не увяль Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы заперянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жершва шемная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минушною молвой!...
Но если, обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ, придешь искашь въ справѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,

Къ нему слетишь моя признашельная шѣнь,
И будешь мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорспвуя судьбѣ,
Не славой, учасшью я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скипался я въ тѣ дни, какъ на брега Дунал
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мѣрѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и роци сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

VII.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился :
Угасъ великій человекъ.
Въ неволѣ мрачной закашлялся
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ :
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Мирь долго, долго будешь полнь;
Приосѣнень швоею славой,
Почій среди пусшынныхъ волнь!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ швой прахъ лежишь,
Народовъ ненависшь почнла,
И лучь безсмершїя горишь.

Давно ль орлы швои лепали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царшва упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волъ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагаль яремь державной
Ты на земныя племена.

• • • • •
• • • • •

И Франція, добыча славы,
Плѣненный усстремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты вель мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ побой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Надменный, кто тебя подпитнул?
 Кто обуял твой дивный ум?
 Как сердца Русских не постигнул
 Ты с высоты отважных дум?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнав, уж ты мечтал,
 Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно Русскихъ разгадай. . . .

Россія, бранная царица,
 Воспомни древнія права!

 Пылай, великая Москва!
 Настали времена другія:
 Исчезни, крапкѣй нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнешь, гибнешь наконецъ.
Бѣжашъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И шаешь съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой распоргла шлѣнь;
Вослѣдъ тирану полешѣло,
Какъ громъ, проклятіе племеньъ.
И дань народной Немезиды
Подъяшу видишь великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Изкуплены его спяжанья
И зло воинственных чудесь
Тоскою дупнаго изгнанья
Подъ свью чуждою небесь.
И знойный островъ започенья
Полнощный парусъ посѣпишь,
И пушникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начершишь,

Гдѣ, успремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пусшынѣ
Забывъ войну, потомство, шронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныны горькомъ думаль онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тошъ малодушный, кто въ сей дець
Безумнымъ возмутишь укоромъ
Его развѣнчанную пѣнь!
Хвала!... Онъ Рускому народу
Высокій жребій указаль,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака осылки завѣщаль.

VIII.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И смиспвольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пущаго просника
Уже наигрывалъ я слабыми перешами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ паспучковъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой шѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы шайной;
И, радуя мня наградою случайной,
Откинувъ локоны опъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тросникъ былъ оживленъ божеспвеннымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

IX.

Д І О Н Е Я.

Хромидъ въ тебя влюбленъ : онъ молодъ, и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя ;
Твой взоръ попущенный желаніемъ горитъ ,
И долго послѣ , Діонея ,
Улыбку нѣжную лице швое хранишь .

X.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ : спрашися дѣвы милой!
Я зналъ : она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ : нельзя при ней
Иную замѣчать, ипыхъ искашь очей.
Надежду пошерявь , забывъ измѣны сладость,
Пылаешь близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несуть влюбленные молюбы :
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ , не внемлетъ и не видитъ.

XI.

ПРИМѢТЫ.

Спайайся наблюдать различныя примѣты.
Пасухъ и земледѣль въ младенческія лѣшы,
Взглянувъ на небеса, на западную пѣнь,
Умвють ужь предрѣчь и вѣшрь, и ясный день
И майскіе дожди, младыхъ полсй опраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ шихихъ водъ
Щескаясь вечеромъ, окличуть швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны пучи,
Зпай, завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Гоповясь ужь коситъ высокій злакъ долинь,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на рабошу
И погрузишся вновь въ лѣнивую дремошу.

XII.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по снневь морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣстъ
Въ вѣприла гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣстъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкѣй шумъ милѣе.
Когда же волны по брсгамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И грохъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракъ блещутъ;

Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣриѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живеть на упломъ онъ чслиѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

XIII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

XIV.

АЛЕКСѢЕВУ.

Мой мнлый, какъ несправедливы
Твой ревнивыя мечты :
Я позабыль любви призывы
И плѣнь опасной красоты ;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ шолцѣ красавиць молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, приторный лепетъ
Уже невластны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности жной.

Теперь ужь мнѣ влюбиться трудно,
Вдыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ лѣришь безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.

Прошелъ веселой жизни праздникъ.

Какъ мой задумчивый проказникъ,

Какъ Барашинскій я швержу:

« Нельзя ль найсти подруги нѣжной? »

« Нельзя ль найсти любви надежной? »

И ничего не нахожу.

Оставя счастья призракъ ложный,

Безъ упоительныхъ страстей,

Я сталъ наперсникъ оспорожный

Моихъ неопытныхъ друзей.

Когда любовникъ испугленной,

Тоскуя, плачешь предо мной,

И для красавицы надменной

Клянется жертвовать собой;

Когда въ жару своихъ желаній

Съ восторгомъ изъясляешь онъ

Неясныхъ, шемныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянеть ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повщореньямъ
Люблю съ учашиемъ внимать;
Я лицу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

XV.

К * * * НУ.

Кто мнѣ пришлешь ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Таланшовъ обожатель спиритной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можешь быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой,
Погибни лры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селенной и Монной.

Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

XVI.

Ч * * * В у.

Въ спранъ, гдѣ я забыль тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдь,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недоспашь душѣ моей усшалою.
Врагу слѣснпшельныхъ условій и оковъ,
Испрудно было мнѣ ошвыкнушь ошъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеспишь, тогда, какъ сердце дремлешъ
И правду пылкую прилчій хладъ объемлешъ.
Оспавя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣль о нихъ;
Вздохнувъ, оспавиль я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предаль проклятію забвенья,

И, съши розорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю пищу.
Въ уединеніи мой своенравный гений
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышлений.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друзей умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаграды въ обьлщилхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ паравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цвѣтницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вповь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣриую, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣпы,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботы, ни цѣли, ни системы,
Я пѣньемъ оглашалъ пріюшь забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранишельныя сѣни.

Но дружбы нѣшь со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
Ничто не замѣнишь единственнаго друга.
Ты былъ цѣлишелемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ попомъ въ волненіи спраспей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ упомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной пошачеиной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая спрогимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣпомъ или укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирашь, умѣя ненавидѣть.

Мнѣ ль было сѣшовать о полкахъ шалуновъ,
О лепешаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
И сплешней разбирать игривую заштѣю,
Когда гордишься могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стойческой душою.
Одно желаніе: ощаешься ты со мной!
Небесь я не помилъ молишвою другою.
О, скоро ли, мой другъ, наспанишь срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вътрепой полны безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспомнить бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;

Поспоримъ , перечедемъ , посудимъ , побранимъ ,
И счастливь буду я : но только ради Бога
Гони ты *** отъ нашего порога.

XVII.

КЪ * * *

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питаешь,
И неизбѣжную разлуку
Въ уныныи робкомъ ожидаешь?
И такъ ужъ близокъ день ссраданья!
Одинъ, въ тиши пусшыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Пошеряиныхъ шобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты гошовъ
Купишь хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

1822.

I.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
 Опмспитъ неразумнымъ Хозарамъ :
 Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ оиъ мечамъ и пожарамъ.
 Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
 Князь по полю ѣдешъ на вѣрномъ конѣ.

 Изъ темнаго лѣса, на вспрѣчу ему,
 Идетъ вдохновенный кудесникъ,
 Покорный Перуну спарикъ одному,
 Завѣшовъ грядущаго вѣспникъ,
 Въ мольбахъ и гадаиныхъ проведеній весь вѣкъ.
 И къ мудрому спарцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи миѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,

Чшо сбудешся въ жизни со мною?

И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,

Могильной засыплюсь землёю?

Открой миѣ всю правду, не бойся меня:

Въ награду любаго возмешь ты копя.

« Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,

А княжескій даръ имъ ненуженъ;

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,

И съ волей небесною друженъ.

Грядущіе годы шаяшся во мглѣ;

Но вижу швой жребій на свѣшломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воишелоу слава отрада;

Побѣдой прославлено имя швое;

Твой щишь на врашакъ Цареграда;

И волны и суша покорны тебѣ;

Завидуешть недругъ шшоль дивной судьбѣ.

И снѣго моря обманчивый валь
 Въ часы роковой непогоды,
 И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
 Щадяшь побѣдителя годы . . .
 Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
 Незримый хранитель могущему дань.

Твой конь не боится опасныхъ штурмовъ;
 Онъ, чужа господскую волю,
 То смиренный шокшъ подъ стрѣлами враговъ,
 То мчишся по браниному полю,
 И холодъ и сѣча ему ничего:
 Но примешь ты смерть опъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачилися думой.
 Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладить и прелещъ по шеѣ крутой.

« Прощай, мой товарищ мой вѣрный слуга,

Разспахъся паспало намъ время:

Теперь отдыхай; ужъ не спулишь нога

Въ твое позлащенное спремя.

Прощай, утѣшайся, да помни меня.

Вы, опроки-други, возмите коня!

Покройте попоной, мохнашымъ ковромъ;

Въ мой лугъ подъ успцы опведите;

Купайте, кормите ошборнымъ зерномъ;

Водой ключевою поите. »

И опроки пошчасъ съ конемъ ошошли,

А князю другаго коня подвели.

Пируешъ съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ веселомъ спакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминаюшъ минувшіе дни

И бишвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

« А гдѣ мой шоварищъ , промолвилъ Олегъ ,
Скажете , гдѣ конь мой ретивый ?

Здоровъ ли ? Все шакже ль лежокъ его бѣгъ ?

Все шопъ же ль онъ бурный , игривый ? »

И внемлюшъ отвѣшу : на холмѣ крупомъ

Давно ужъ почилъ пепробуднымъ онъ сномъ .

Могучій Олегъ головою поникъ

И думаешь : « чшо же гадаиье ?

Кудссникъ , шы лживый , безумпый старикъ !

Презрѣшь бы швое предсказанье !

Мой конь и донынѣ носилъ бы меня . »

И хочешь увидѣшь онъ косши коня .

Вопъ ѳдешъ могучій Олегъ со двора ,

Съ нимъ Игорь и шчарые гости ,

И видяшъ : на холмѣ , у брега Днѣпра ,

Лежашъ благородныя косши ;

Ихъ моюшъ дожди , засыпаешь ихъ пыль ,

И вѣшеръ волнуешь надъ ними ковыль .

Князь шихо на черепъ коня насупилъ

И молвилъ : « спи , другъ одинокой !

Твой старый хозинъ тебя пережилъ :

На шризнѣ , уже недалёкой ,

Не ты подь сѣкирой ковыль обagriшь

И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вошь , гдѣ спалась погибель моя !

Мнѣ смертію косшь угрожала ! »

Изъ мершвой главы гробовая змя

Шипя между тѣмъ выползала ;

Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась :

И вскрикнулъ внезапно ужаденный князь .

Ковши круговые зашнысь шипльпъ

На шризнѣ плачевной Олега :

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сядяшь ;

Дружина пируетъ у брега ;

Бойцы поминаюшь минувшіе дни

И бишвы , гдѣ вмѣстѣ рубились они .

II.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,

Не знай печали.

Хариты, Лель

Тебя вѣнчали

И колыбель

Твою качали.

Твоя весна

Тиха, ясна :

Для наслажденья

Ты рождена.

Чась упоенья

Лови, лови!

Младья лѣша

Отдай любви,

И въ шумѣ свѣта

Люби, Адель,

Мою свирѣль.

III.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пирь,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашь, при звукѣ лирь.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свѣже острія,
Когда вы, други, оплнчили
Почетной чашею меня.

Честнолюбивой позолошой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суешной работою,
Не рѣзбою плѣняла насъ;

Но пѣмъ однимъ лишь опличалась,
Что, жажду Скиѣскую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и дуемою сердечной
Во дня минувшіе лешалъ,
И горе жизни скоропечной
И сны любви воспочиналъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

IV.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламеняшь
Воображеніе поэтовъ,
Его превозишь и пѣвняшь
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блещаньемъ зеркальныхъ очей
И эпой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги шумной
Для упоенія спрасшей.
Скажи: когда пѣвецъ Лейлы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь на тебя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?

Бышь можешь, въ дальной споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя сшрадалецъ вдохновенной
Узналъ, нль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Бышь можешь, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный прѣпешъ возникалъ
Въ швоей груди самолюбивой:
И шы, склонясь къ его плечу....
Нѣшь, нѣшь, мой другъ, мечшы ревнивой
Пишашъ я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждашься имъ,
И, тайной груспію помимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

V.

Сводъ неба мракомъ обложился ;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ ,
Столпомъ неровнымъ опразился.
Качаясь , лебедь на волнѣ
Заснуль , и все кругомъ почило ;
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое въприло ,
И блещешь пѣна при лунѣ ;
Лешись испуганная птица ,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла ?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
 Одинъ, смиренный жишель волнь,
 Гребешъ и къ югу править челнь;
 Другой, какъ волхвомъ пораженный,
 Стоишь недвижимъ; на брега
 Глаза вперивъ, не молвишь слова,
 И черезъ челнь его нога
 Перешагнушь уже гошова.
 Плывуть...

« Причаливай, спарикъ!
 Къ утесу правь » — и въ волны вмигъ
 Прыгнуль пловецъ неперпѣливой
 И береговъ уже доспигъ.
 Межь шѣмъ, рукой неспоропливой
 Другой въприло опуспивъ,
 Свой челнь къ утесу пригоняешъ,
 Къ подошвачъ двухъ союзныхъ ивъ
 Узломъ надежнымъ укрѣпляешъ,
 И входишь медленной спопой

На берегъ дикой и крупной.
Кремень звучишь, и пламя вскорѣ
Далеко освѣпило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу спояшь угрюмомъ;
Объ нихъ мяшежный бьется валъ
И пѣна плещеть; сосны съ шумомъ
Качающъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣша, ни шравы,
Песокъ да мохъ; скалы, спремнины,
Вездѣ краляшь клеймо громовъ
И слѣдъ попоковъ исшощенныхъ,
И плвюшь кости — пирь волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый шарикъ
Просперъ нѣмвющія руки.
Примѣшы долголѣпной муки,
Согбенны кости, пощій ликъ,
На коемъ время углубляло

Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь — все являло
 Въ немъ дикость, нужду и пруды.
 Но кто же пошь? Блиспаеть младость
 Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣшь
 Прекрасень онъ; но, мнишся, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
 Въ глазахъ попушенныхъ кручина;
 На немъ одежда Славянина
 И на бедрѣ Славяпскій мечь.
 Славянь вошь очи голубья,
 Вошь ихъ и волосы злапые,
 Волнами падшіе до плечь. — — —
 Космашымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живишельнымъ согрѣтый,
 Спарикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложивъ крестомъ,
 Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ...
 Проходитъ ночь, огонь погасъ,

Остылъ и пепель; водъ пучина
Бѣлѣеть; близокъ утра часъ;
Нисходишь сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и пруды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ изспущенныхъ,
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переносишь
Теперь героя въ край чужой,

Въ поля , гдѣ мчипся бурный бой ,
Гдѣ мечъ главы героевъ косить ;
Не видишь онъ знакомыхъ скалъ
Кириаландіи печальной ,
Ни Албіона , гдѣ искалъ
Кровавыхъ стѣчь и славы дальшой ;
Ему не снится шумъ валовъ ;
Онъ позабылъ морскія битвы ,
И пламя яркое коспровъ ,
И трубный звукъ , и лай ловитвы ;
Другія грезы и мечшы
Волнуютъ сердце Славянина :
Предъ нимъ Славянская дружина ;
Онъ узнаешь ея щипы ,
Онъ снова просшираешь руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ ,
Забышымъ въ долги дни разлуки ,
Копорыхъ ужъ и въ мѣрѣ нѣтъ

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка,
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ,
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина надъ челномъ
Кипитъ, подымается, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ и — пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское,
И пробудясь, шрепещетъ онъ,
Глядишь окрестъ: брега въ покоѣ,

На полусвыплай небосклонъ
Восходитъ утро золотое ;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы
И разсвѣло. . . .

VI.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБИИ.

Сія пуспынная спрана
Свящеппа для души поэша :
Она Державицымъ восцѣпа
И славой Рускою полна.
Еще доныцѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищепъ береговъ ;
Она лепишь на сладкѣй зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при луцѣ
Брожу вдоль берега крушаго :
Но , другъ , обнять милѣе мнѣ
Въ шебѣ Овидіа живаго.

VII.

Е М У Ж Е.

Я жду обѣщанной шепради:
Что жъ медляшь, милый трубадуръ!
Пришли ея мнѣ Феба ради,
И награди себя Амуръ.

VIII.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни, легкою полпой,
Отъ береговъ колодной Леты,
Слепающа на брегъ земной,
И невидимо завѣщающъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сповидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждешь на пиръ сечья родна
Своихъ замедлившихъ гостей...

Но, можеть бышь, мечты пустыя —
Бышь можеть, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я зечныя,
И чуждѣ мнѣ будешь мѣръ земной;
Бышь можеть, шамь, гдѣ все блисшаешь
Нешльнннй славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираешь
Несовршенство бытїя,
Минутныхъ жизни впечатлѣнїй
Не сохранишь душа моя,
Не буду вѣдашь сожалѣнїй,
Тоску любви забуду я. . .

1823.

I.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даришь надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страшной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,

Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжашь: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводишь ли красавица другал
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый швой укоръ
Меня мертвить, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заславъ меня съ побой,
Зачѣмъ себя привѣщивуешь лукаво?...
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣешь онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣша,
Безъ мапери, одна, полуодѣша,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я люблю.... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія швои
Такъ пламенны! Слова швоей любви
Такъ искренно полны швоей душою!

Тебѣ смѣшны мученія мои;

Но я люблю, себя я понимаю.

Мой милый другъ, не мучь меня, молю:

Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,

Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю.

II.

Ненаспный день попухъ; ненаспной ночи мгла

По небу спелешя одеждою свинцовой;

Какъ привидѣнїе, за рощею сосновой

Луна шуманная взошла . . .

Все мрачную поску на душу миѣ наводишь.

Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходишь;

Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотою;

Тамъ море движешся роскошной пеленою

Подъ голубыми небсами . . .

Вошь время: по горѣ теперь идетъ она

Къ брегамъ, попопленнымъ шумящими волнами;

Тамъ, подъ завѣшными скалами,

Теперь она сидишь печальна и одна . . .

Одна... никто предъ ней не плачешь, не шокуюешь;

Никто ея кольцо въ забвеніи не цалуешь;

Одна... ничьимъ ушамъ она не предаешь

Ни плечь, ни влажныхъ устъ, ни персей блоснѣжныхъ.

.

“”

.

Никто ея любви небссной не достопиць.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоюсь;

.

Но если

III.

ДЕМОНЪ.

Въ шѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышя —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья —
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сшалъ тайно навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи :
Его улыбка, чудный взглядъ ,
Его извѣщельныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспоцимый клеветшою ,
Онъ провидѣнье искушалъ ;
Онъ звалъ прекрасное мечшою ;
Онъ вдохновенье презиралъ ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хотѣлъ.

IV.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подь чась въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везеть, не слезеть съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лѣнь и пѣгу,
Кричимъ: пошоль!.....

Но въ полдень нѣтъ ужъ шой опваги ;
Поравшрлело насъ ; намъ страшитѣй
И косогоры и овраги ;
Кричимъ : полегче , дуралей !

Кашинъ попрежнему төлега.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночега,
А времл гонишь лошадей.

У.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и помной
Тревожишь позднее молчанье ночи шѣмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горишь; мои спихи, сливаясь и журча,
Текушь, ручьи любви, пекушь полны тобою.
Во тмѣ твои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... швоя... швол.

1824.

I.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сивдаешь;
На дѣвспвенныхъ устахъ улыбка замираешь.
Давно швоей иглой узоры и цвѣшы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Груспишь. О, я знапокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ швоей чыпалц.
Любви не ушайшь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы пѣжныя, любовь волнуешь васъ.
Счаспливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Красцѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродишь
Вкругъ дома швоего и взоръ къ окну возводишь?

Ты вшайнѣ ждешь его. Идешь, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никшо на праздникъ блисшашельнаго мая,
Межъ колесницами роскошными лешая,
Никшо изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не влашвуешь конемъ по прихоти своей.

II.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещуть волны Флегетона,
Своды шаршара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Пошекла лушемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льсиптъ измѣна:
Прозерпинѣ смершній миль.

Ада гордая царица
Взоромъ юношу зовешъ,
Обняла, и колесница
Ужь въ виду ихъ несетъ:
Мчашся, облакомъ одѣшы;
Видяшь вѣчные луга,
Элизей и томной Лешы
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, шамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предашь его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладоспращной нѣгѣ понешъ
И молчить и томно спонешъ...
Но бѣгутъ любви часы;
Плещуть волны Флегетона,
Своды шаршара дрожатъ:

Копи блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходишь,
И счасливца за собой
Изъ элизія выводишь
Попасенною шропой;
И счасливецъ ошпираетъ
Ошпорожною рукой
Дверь, ошкуда вылетаетъ
Сновидѣннй ложный рой.

III.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты капишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропощь заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣль желанный!
Какъ часшо по брегамъ швоимъ
Бродиль я шикій и шуманный,
Завѣшнымъ умыслошъ шомимъ!

Какъ я любиль швои опзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И шшину въ вечерній часъ
И швоенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихошью хранимый,
Скользишь опважно средь зыбей:
Но шы възграль, неодолимый;
И шшая шонешъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставишь
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восшоргами поздравишь
И по хребтамъ своимъ направишь
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ оковацъ;
Вошце рвалась душа мол:
Могучей страстью очаровацъ,
У береговъ ошался я.

О чемъ жалѣшь? Куда бы нынѣ
Я пушь безпечный успремлять?
Одиль предметъ въ твоей пустыни
Мою бы душу поразиль.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный еонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой опъ насъ умчался геній,
Другой власпишель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Осшавя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, швой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукрошимъ.

Мiръ опустѣлъ

Прощай же, море! Не забуду
 Твоей торжественной красы,
 И долго, долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пущыни молчаливы
Перенесу, шобою полнь,
Твои скалы, швои заливы,
И блескъ, и шѣнь, и говоръ волнь.

IV.

КОВАРНОВАТЪ.

Когда твой другъ на гласъ своихъ рѣчей
Ошвѣшсшвуешь язвительнымъ молчаньемъ ;
Когда свою онъ опъ руки своей,
Какъ опъ змѣи, опдернешъ съ содроганьемъ ;
Какъ, на себя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою ;
Не говори : « онъ боленъ, онъ дыша ,
Онъ мучится безумною шоскою ;
Не говори : « неблагодарецъ онъ ;
Онъ слабъ и золь, онъ дружбы недоспоннъ ;
Вся жизнь его какой-шо шяжкой сонъ. » ...
Уже ль ты правъ ? Уже ли ты спокоень ?

Ахъ , если шакъ , онъ въ прахъ гошовъ упасть ,
Чшобъ вымолишь у друга примиренье.
Но если ты свяшую дружбы власть
Упошреблялъ на злобное гоненье ;
Но если ты запѣйливо язвишь
Пугливое его воображенье ,
И гордую забаву находилъ
Въ его шокв , рыданьлхъ , униженъ ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ ;
Но если цѣль ему накинулъ ты
И соннаго врагу предаль со смѣхомъ ,
И онъ прочель въ нѣмой душѣ твоей
Все шайное своимъ печальнымъ взоромъ :
Тогда спупай , не шрашь пуспыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ .

V.

Д * * * У.

Нельзя, мой полспый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабышь,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного пощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ;
Ему Горацій, умный льстецъ,

Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чашокѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

VI.

Ночной зефиръ
Сшрuiшь эфиръ.
Шумишь ,
Бъжишь
Гвадалквивиръ.

Вошь взoшла луна злaшaя ,
Тише... чу... гишaры звoнь...
Вошь Испaнкa мoлoдaя
Oпepлaся нa бaлкoнь.

Ночной зефиръ
Струишь эфиръ.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивиръ.

Скинь маншилью, ангель милый,
И явись какъ яркой день!
Сквозь чугуныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струишь эфиръ.
Шумишь,
Бѣжишь
Гвадалквивиръ.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ ¹.

Посвящено П. А. О.

I.

Клянусь чешой и нечешпой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся упренней звѣздой,
Клянусь вечернею молишвой ²:

Нѣтъ, не покинулъ я шебл.
Кого же въ сѣнь успокоецья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ ошь зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ свой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обманъ,
Спезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой корань
Дрожащей швари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Ошъ всѣхъ вы женъ опличены:
Страшна для васъ и шѣль порока.
Подъ сладкой сѣнью пишины
Живише скромно: вамъ приспало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Хранише вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и сшydливыхъ,
Да взоръ лукавый нечесшивыхъ
Не узришь вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
Сшекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣша
Смушить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочеспивыхъ,
Не любите онъ вселерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пусныхъ:
Почтите пръвъ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ 3.

III.

Смушясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца слышавъ приближенъе 4:
Бѣжишь, да не дерзнешь порокъ
Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для спрошивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечесивыхъ!

Почто жъ кичишся человекъ?

За шо ль, что нагъ на свѣпъ явился,

Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,

Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

За шо ль, что Богъ и умертвишъ

И воскресишъ его по волѣ?

Что съ неба дни его хранишъ

И въ радосняхъ и въ горькой долѣ?

За шо ль, что далъ ему плоды

И хлѣбъ и финикъ и оливу,

Благословивъ его шруды

И верпоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель воспрубить;
На землю громъ небесный грянетъ:
И брашъ опъ брата побъжитъ,
И сынъ опъ матери оппрянетъ.

И всѣ предъ Бога пришекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падуть,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязашься мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я шакже, рекъ онъ, жизнь дарую,
И шакже смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равень я.
Но смолкла похвальба порока
Ошъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ воспока;
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падуть на сушь и воды
И не подавяшь насъ собой 5.

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и земль,
Какъ лезъ, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталь.

* *

Творцу молишесь; Онъ могучій:
Онъ правишь въспромъ; въ знойный день
На небо насыласть тучи;
Даешь землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Ошкрылъ сіяющій коранъ,
Да прищечемъ и мы ко свѣту,
И да падешь съ очей шуманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обришыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣши пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабы
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣлье.
Они на бранное призыванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельсаясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекушь: возмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошннули въ наслажденьи,
Нсоправляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, бояливый:
Въ пещерь швоей
Свяшая лампада
До ушра горишь.
Сердечной молишвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавыя сны!
До ушра молишву
Смирешно швори;
Небесную книгу
До ушра читай!

VIII.

Торгуя совѣсью предъ блѣдной нищетою,
Не сыль своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедроша полная угодна небесамъ.
Въ дець грознаго суда, подобно нивѣ пучной,
О стѣшель благополучной,
Сторицею воздасть она пвоимъ прудамъ.

Но если, пожалѣвъ шрудовъ земныхъ спяжанья,
Вручая нищсму скупое подаянье,
Сжимаешь пы свою зависливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Чшо съ камня моеть дождь обильной,
Исчезнуть, Господомъ отверженнал дань.

IX.

И пущникъ усшалаый на Бога ропшаль :
Онъ жаждой помился и шѣни алкаль.
Въ пущынь блуждая шри дня и шри ночи,
И зносемъ и пылью шягчимыя очи
Съ шоской безнадежной водиль онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмоу видишь онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пущынной онъ бѣгъ усшремилъ,
И жадно холодной спруей освѣжилъ
Горѣвшіе шяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы :
И многіе годы надъ нимъ прошекли
По волю Владыки небесъ и земли.

Наспалъ пробужденья для путника часъ ;
 Встаешь онъ и слышишь невѣдомый гласъ :
 « Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко ? »
 И онъ отвѣчаетъ : ужь солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера ;
 Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ : « о путникъ, ты долѣ спалъ ;
 Взгляни : легъ ты молодъ, а спарцемъ возспалъ ;
 Ужъ пальма исплѣла, а кладязь холодной,
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной,
 Давно занесенный песками степей ;
 И кости бѣлѣютъ ослицы твоей. »

И горемъ обьятый мгновенный старикъ,
 Рыдая, дрожащей главою поникъ....
 И чудо въ пустынь тогда совершилось :
 Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
 Вновь зыблется пальма шѣнниспой главою ;
 Вновь кладязь наполнишь прохладой и мглой.

И ветхія кости ослнцы встающъ ,
И шѣломъ одѣлись , и ревъ издающъ ;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость ;
Въ крови заиграла воскресшая младость ;
Святые воспорги наполнили грудь :
И съ Богомъ онъ далъ пускается въ путь .

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. « Нечестивые , пишеть Магометъ (глава *Награды*) , думаютъ , что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень . » Мнѣніе сихъ *негестивыхъ* конечно справедливо ; но , не смотря на сіе , многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ . Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній . Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ оъ своего имени , а о Магометѣ упоминается только во вшоромѣ , или претъемѣ лицѣ .
2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ , плодами смоковницы , свободою Мекки , добродѣтелию и порокомъ , ангелами и человекомъ и проч . Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно .
3. « Мой пророкъ , прибавляетъ Алла , вамъ эпаго не скажетъ , ибо онъ весьма учпивъ и скромень ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться . » и проч . Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ .
4. Изъ книги *Слѣпецъ* .
5. Плохая физика ; но за то какая смѣлая поэзія !

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1815.	I. Къ Лицинію. <i>Съ Латинскаго</i>7.
	II. Гробъ Анакреона.....11.
1816.	I. Пробужденіе.....17.
	II. Друзьямъ.....19.
	III. Пѣвецъ.....20.
	IV. Амуръ и Гименей.....22.
	V. Ш * * * ву.....26.
1817.	I. Торжествъ Вакха.....31.
	II. Разлука.....36.
	III. П * * * ну. <i>Отрывокъ</i>38.
	IV. Дельвигу.....40.
1818.	I. Мечтателю.....45.
	II. Выздоровленіе.....47.
	III. Прелестницѣ.....49.
	IV. Жуковскому. <i>На изданіе книжекъ его: Для нелиногихъ</i>51.
1819.	I. (Увы, зачѣмъ она блистаетъ).....55.
	II. Русалка.....57.
	III. Стансы Т * * * му.....61.
	IV. Уединеніе.....64.
	V. Домовому.....67.
	VI. В * * * му.....69.
	VII. Кривцову.....73.
	VIII. N. N.....75.
	IX. Недокончанная карпина.....77.
	X. Возрожденіе.....78.

		Стран.
1820.	I. (Погасло дневное свѣтило). <i>Подражаніе Байрону</i>	83.
	II. Черная шаль. <i>Молдавская пѣсня</i>	86.
	III. Фонтану Бахчисарайскаго дворца....	89.
	IV. Виноградъ.....	91.
	V. (О дѣва-роза). <i>Подражаніе Турецкой пѣснѣ</i>	92.
	VI. Доридѣ.....	93.
	VII. (Рѣдѣетъ облаковъ лепучая гряда)....	94.
	VIII. Нереида.....	95.
	IX. Дорида.....	96.
	X. Ч * * * ву. <i>Съ морскаго берега Тавриды</i>	97.
	XI. Дочери Карагеоргія.....	99.
1821.	I. (Мой другъ, забыты мной слѣды)..	103.
	II. Война.....	105.
	III. (Я пережилъ свои желанья).....	107.
	IV. (Умолкну скоро я).....	108.
	V. Гробъ юноши.....	109.
	VI. Къ Овидію.....	112.
	VII. Наполеонъ.....	118.
	VIII. Муза.....	125.
	IX. Діонея.....	126.
	X. Дѣва.....	127.
	XI. Примѣпы.....	128.
	XII. Земля и море. <i>Идиллія Мосха</i>	129.
	XIII. Красавица передъ зеркаломъ.....	131.
	XIV. Алексѣеву.....	132.
	XV. К * * * ну.....	135.

	Стран.
XVI. Ч * * * ву	137.
XVII. Къ * * *	142.
1822. I. Пѣснь о вѣцѣмъ Олегъ	145.
II. Адели.	151.
III. Друзьямъ	153.
IV. Гречанкѣ	156.
V. (Сводъ неба мракомъ обложился) ...	158.
VI. Баратынскому изъ Бессарабіи.	166.
VII. Ему же.	167.
VIII. (Люблю вашъ сумракъ).	168.
1823. I. (Проспишь ли мнѣ ревнивыя мечты) ..	173.
II. Ненастный день потухъ.	176.
III. Демонъ.	178.
IV. Телега жизни	180.
V. Ночь	182.
1824. I. (Ты вянешь и молчишь). <i>Подражаніе</i>	
<i>А. Шенье</i>	185.
II. Прозерпина.	187.
III. Къ морю.	190.
IV. Коварность	196.
V. Д * * * у. <i>На приелашеніе ѣхать съ</i>	
<i>нилѣ морелѣ на полуценный берегъ</i>	
<i>Крыла</i>	198.
IV. (Южной зефиръ). <i>Испанскій романсѣ</i> . 200.	

Подражанія Корану.

I. (Клянусь четой и нечетой)	203.
II. (О жены чистыя пророка).	205.
III. (Смутился, нахмурился пророкъ).	207.

	Стран.
IV. (Съ Тобою древле, о Всесильный)..	210.
V. (Земля недвижна).....	211.
VI. (Недаромъ вы приснились мнѣ).....	213.
VII. (Возстань, боязливый).....	215.
VIII. (Торгуя совѣстью).....	216.
IX. (И путникъ успалый).....	217.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.